

ФЕНОМЕН ПОСТГОСУДАРСТВЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Г. Б. Новиков

преподаватель кафедры философии

Национального технического университета Украины

«Киевский политехнический институт»

У статті здійснено спробу теоретичної реконструкції генези форм організації суспільства в ритміці протодержавність – державність – постдержавність.

Ключові слова: протодержава, держава, постдержава.

В условиях, когда объективно исчерпал себя такой феномен, как «традиционная» мировая война: накопленный ресурс (арсенал) средств массового поражения (ядерного, химического, биологического и т.п.) и возможность перевести в режим ОМУ достижения человеческой культуры, которые прежде использовались в мирных целях (ядерные реакторы, которых нынче в мире насчитывается более полутысячи, высотные плотины водохранилищ, химические производства и т.д.) вынуждает радикальным образом изменить понимание, интерпретацию и оценки процессов, событий, институтов и т.д., которые были характерны для мировой цивилизации еще пол-сотни лет назад. Угроза рукотворного Апокалипсиса: возможность уничтожения всего живого на Земле (до вирусов, микробов и бактерий включительно) несколько сотен раз подряд, властно ставит на повестку дня общественной науки задачи принципиального изменения, по крайней мере: коренного улучшения, совершенствования, развития, – «теоретической оптики», с помощью которой указанная проблематика исследовалась и разрабатывалась прежде. До сих пор.

Излишне доказывать, что в эпицентре этой тематики – все, что связано с организацией общественной жизни, феноменами управления, власти и т.п., а, следовательно, понятно и повышенное внимание, которое, – в нарастающем режиме, – уделяет научное сообщество главному средоточию, ядру политической организации общества – государству. В нем, как в контрапункте, в пересечении, сходятся большинство «силовых линий», что они определяют современный социальный прогресс. Или – регресс. Эволюцию, либо инволюцию. Творчество, или свитие.

Государство. Исследованию этого феномена, со времен Полибия и Платона, и до времени настоящего, посвящены тысячи и тысячи научных (донаучных, квазинаучных, псевдонаучных, антинаучных) разведок, коллективных и индивидуальных. Но, равно так

же, как на вопрос «Что происходит с нами сейчас?» (современность) не ответит истинно, если не знать адекватного ответа на вопрос «Что с нами происходило в прошлом?», а, самое главное: «Что должно происходить с нами в будущем?», точно так же на вопрос, что есть феномен «государственность», не ответит, не дав адекватного ответа на вопрос о том, какие формы организации жизни становящегося социума ей предшествовали («протогосударственность») и какие неизбежно, по законам исторической необходимости, придут ей на смену («постгосударственность»). Только безупречная философская (суть научная) рефлексия протогосударственных форм организации жизни, которая опирается на огромный массив добытого как философией, так и другими науками (палеонтология, археология, этнография, антропология, история и т.д.) знания и опыта познания, позволяет сполна воспользоваться таким замечательным свойством научного знания и познания, как антиципация: опережающее отражение, способное «видеть» то, что закрыто пространством и временем в векторе «будущее». В свою очередь, зная, что было и что будет, мы получаем мощное орудие для познания настоящего: осуществляющееся диалектическое противоречие (вспомним Гегеля: «...в сущности все относительно»), то есть, мы получаем возможность безупречно ответить на вопрос, что представляет собой феномен «государственность». Во всем многообразии его модусов, форм проявлений, особенностей, трансформаций и т.д.

Замысел и логическая структура нашего исследования как-раз и построена в ритмике воспроизводства в формах движения научной мысли (социальной философии) форм движения феноменов: «протогосударственность» – «государственность» – «постгосударственность». И это составляет главный элемент новизны в той концепции, – собственно: саму концепцию, – вышеуказанной проблематики, которой уже на протяжении довольно длите-

льного времени занимается автор, и которая является главной «несущей конструкцией» нашей в том числе и диссертационной работы.

Конечно, эта наша научная разведка, – статья, – имеет вполне определенные ограничения (объем статьи). Поэтому мы сознательно сосредотачиваемся на сравнительно наименее исследованном элементе вышеупомянутой связки – на феномене «постгосударственности». При этом видим, как первоочередную, необходимость провести теоретическую реконструкцию прошлого и работу по конструированию форм будущего, что они следуют, вырастают из уже явно сущих, налично данных форм феномена государственности.

Понятно, что наиболее сложным, – это общеизвестно, – является исследование т.н. «серых зон», переходных форм, в нашем случае: от «протогосударственности» к «государственности» и от «государственности» к «постгосударственности». То есть, транзитивных форм. Помимо прочего, это требует как переосмысления традиционного, так и вовлечение в оборот нового, – или же наполнение новым содержанием традиционного, – понятийного и категориального аппарата. В частности: наполнение новым (адекватным) содержанием понятий «анархия», «анархизм», «легитимность» (легитимация), «полугосударство» [В.И. Ленин].

Полагаем, серьезным импульсом для исследования указанной проблематики будет привлечение, – актуализация, – методологического, эвристического, логического, мировоззренческого потенциала формы превращенной. Ближайшим образом это касается двух «поворотов» темы: феномена «вульгарного государства» как формы превращенной «государства классического» и феномена «анархизма» как формы превращенной «анархии».

Сложность последнего задания обусловлена еще и тем, что необходима работа по своеобразной «реабилитации» понятия «анархии» как оно утверждалось, утвердилось и утверждается в научной литературе и массовом сознании, а, вернее сказать: во мнении.

Сейчас спросите у любого рядового гражданина «Что такое анархия?», и он, не задумываясь, ответит (с теми или иными вариациями, не меняющими сути): «Анархия – это безвластие». В действительности же «анархия» – это постгосударственная форма организации власти. Общественное самоуправление со своей корневой системой – местным самоуправлением. И подтверждение тому – большая и еще фактически нетронутая и не освоенная, не распредмеченная в новых исторических реалиях, в современных контекстах общественной жизни огромная мировая теоретическая традиция исследования феномена анархии (Годвин, Штирнер, Прудон, Бакунин, Кропоткин и др.). А то, что вполне

справедливо на наш вопрос отвечает рядовой гражданин – вполне правильный ответ, но по отношению к ...анархизму (т.е.: форме превращенной анархии). Уместно здесь вспомнить Гегеля, с его: «... вся задача заключается ... в том, чтобы в видимости временного и преходящего познать имманентное, субстанцию, сущее в ней вечно».

Монополия вышеупомянутых классиков теории на «анархию», «постгосударственность», якобы, исторически сложившаяся в обществоведении, действительно, довольно иллюзорна, и фактически приводит именно к тупику «анархизма». Приводит к крайне одностороннему их восприятию, истолкованию и интерпретации, и как следствие и результат – к неадекватному знанию о качественно новых, будущих формах общежития, ростки которого были вчера, есть и неодолимо множатся и нарастают в настоящем. Бесспорно, в контексте поиска качественно новых форм организации человечества рефлексия указанного объекта была бы ущербной, если не сказать: несостоятельной без марксизма и открытого в его рамках принципа материалистического понимания истории. Следовательно, не игнорируя тех позитивных достижений, что они наработаны в различных версиях, концептах, конструктах, доктринах обществоведческого характера, на которые столь щедрым является наше время (парадигмальность, нелинейность, концептуальный плюрализм и т.п.), мы преимущественно пользуемся при исследовании данной проблематики тем инструментарием, тем арсеналом методологических средств, который вырабатывался и обретался в русле классической, прежде всего – марксистской, традиции.

Уникальность эвристических возможностей научной философии обусловлена, повторяем, помимо прочего, ее способностью к антиципации, т.е. к опережающему отражению. Подчеркиваем – это сущностное свойство любой науки (что не имеет ничего общего с простым прогнозированием «будет/не будет», а то и с комплексом псевдо/антинаучных пророчеств/пророчеств, которые интенсивно маскируются под науку и которыми кишит нынешнее «интеллектуальное пространство») именно в научной философии получает свое наиболее яркое воплощение и, отчасти, именно с ним, с этим воплощением (обретением этого сущностного признака) и связано становление самой философии как науки.

Методологической основой становления философии как науки стала диалектика в ее органической сопряженности с материализмом. Именно «... единство адекватной методологии миропознания (диалектики) и адекватной системы миропонимания (материализма) и стало началом научного этапа философии» [Б.В. Новиков].

Необходимость останавливаться на еще недавно азбучных истинах относительно обоснования научного характера философии, и, как результат этого – на ее имманентной способности к антиципации, вызвана тем, что постсоветская философская традиция (и в определенной мере – советская) потеряли (а т.н. «западная» потеряла, – если и вообще обретала, имела когда-нибудь, – еще раньше) сущностно-научные свойства и вернулась к тому, чем, собственно, и была философия до своего научного этапа – стала чисто идеологической апологией существующего, непосредственно-сущего общественного устройства. Не успела перестать быть «служанкой богословия» как вернула себе несправедливо отобранное в свое время генетикой звание «продажной девки империализма»... Философию подменила ее же форма превращенная – философство, а быть гуманитарием стало (правда довольно небезосновательно) синонимом быть пустомелей и тунеядцем.

Эй, где вы, людоведы и обществоведы? И: звенящая тишина в ответ... Разбежались по философским церквям и свято веруют. Правда, не гнушась, в отличие от монахов-схимников, маленькими радостями жизни земной. А кое-кто даже узрел свою «философскую» миссию в проповеди, – и попутно: в практиках, – «раскованной чувственности» и бесконечного «праздника тела»...

Эта «философская» реакция не является случайной, напротив – вполне естественной, – уместным будет даже сказать: целенаправленно индуцируемой и «управляемой», ведь выводы, к которым пришла научная философия относительно перспектив современного ей общественного строя, были, мягко говоря, неутешительными, по крайней мере для той его (строя) части (класса), который его (этот строй) и обусловил, всячески отстаивает и воспроизводит.

Но, все по порядку. Все в мире связано со всем. Все – превращается во все, т.е.: развивается. Осуществление (возникновение, протекание, разрешение) противоречий является имманентной причиной (источником) развития. А потому истинно, адекватно постигнутое философской мыслью развитие предстает как саморазвитие. А, значит, отпадает необходимость (и, соответственно, потребность в поиске ее) первотолчка/творения (а потому Бог не умирает, как думал Ницше, он скорее, как тот скрипач из к/ф «Кин-дза-дза»... просто не нужен). Мир (объективная реальность) ниоткуда не берется. Он есть, был и будет. Как то и положено субстанции. Абсолютной самостоятельности. Тому, что несотворимо, неуничтожимо, безначально, вечно, бесконечно, беспрерывно, беспредельно, неисчерпаемо. Способом существования мира (объективной реальности) есть движение (адекватно понятое

только как развитие). Самой сложной (по крайней мере, из пока известных) формой движения материи («...философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [В.И Ленин]) является социальная форма движения.

Человек становится. Становление человека, – как сердцевина социализации, – процесс обобществления индивидуального и индивидуализации общественного, – есть процесс осознанного производства им своей жизни. Производство возможно лишь как отношение, а потому сам процесс становления человека и процесс производства им своей жизни является процессом сугубо социальным. «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [К. Маркс]. Для предыстории – «совокупностью», для действительной истории – «ансамблем». Базовым фактором, влияющим на развитие общества, является способ производства этим обществом собственного бытия. Во всех измерениях.

Способ производства является исторически конкретным типом диалектического единства производительных сил и производственных отношений. Их рассогласованность – есть предпосылка и движение к новому способу производства, к новому способу экономической жизни, к новому этапу в жизни человечества. Частная собственность на средства производства (суть концентрированное выражение исторически конкретных производственных отношений) уже не отвечает (входит в антагонистическое противоречие) уровню развития производительных сил (которые по своему характеру уже являются всеобщими). Имманентной чертой, необходимой детерминантой нового этапа (формации) должен быть качественно новый способ производства человеком собственного бытия, основанный не на воздействии (деформированном взаимодействии), не на эксплуатации, а на со-творчестве. Суть: продуцировании обобщественности и субъектности сначала в практически всеобщей форме, а затем – в форме практической всеобщности.

Приснопамятная «пятая формация» в научной философии никогда и близко не имела активно ей приписываемого и инкриминируемого различными нотариально заверенными «обществоведами», телеологического характера. Не было никакой «конечной цели в виде коммунизма» (действительная история вообще не может иметь конечной цели), сам коммунизм, – как действительный гуманизм, – в научной философии был, – и есть, – вполне

естественным, – и: неизбежным, – этапом развития человечества.

«Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние».

Это – азбука научной философии, которую, как в свое время Кирилл и Мефодий собственноручно дали славянам, так Карл и Фридрих дали человечеству. А, по сути, не дали, а щедро поделились тем, что открыли. А открыли – безграничные, неисчерпаемые возможности развития для каждого. Многих и всех. Но, чтобы ими воспользоваться, чтобы актуализировать потенциал творчества, как и любую нормальную науку, ее следует изучать и творчески развивать в максимально полном соответствии с развитием самой объективной реальности, социальной реальности и действительности. То есть – адекватно.

То, что существует индустрия сознательного производства мифов – ни для кого не секрет, понятно и то, почему основным объектом воздействия является начало строя действительного гуманизма (коммунизма) – социализм. Бывший, сущий, будущий. Однако же необходимо признать, что повышенная восприимчивость к самым неуклюжим мифологическим и даже духовным идеологемам, мифам и химерам в первую очередь обусловлена не просто заниженным, а очевидно закритически низким уровнем философской культуры нашей собственной. Не говоря уж о «широких массах».

Спросим себя, не относимся ли мы к предикату «реальный» как к чему-то необязательному, проходному, тривиальному? В состоянии ли мы различать реальность объективную, реальность субъективную, реальность субъективно-объективную? И уж тем более: реальность социальную (субъективно-объективную) и действительность?

Не в нами ли написанных учебниках, не говоря уж: монографиях, статьях и т.д. на каждом шагу «действительность», «действительный» и пр. – как аналог непосредственных форм («кусков») объективной реальности, природы. Не в тех же ли учебниках: «закон перехода количества в качество», «ленинское определение материи», «правовое государство», «новое мышление», «рыночная экономика» и т.д.?

Т.е. у нас самих до неприличия ослаблен иммунитет против восприятия духовной заразы, которую нам нынче со всех каналов массовой дезинформации «с энергией, равной их невежеству» [М. Горький] втюхивают, вдувают в уши, в глаза, в души, в дух адепты уходящего мира, уходящей «социальной природы», ухо-

дящей предыстории, и: винить некого – нужно смотреть в зеркало.

Возвратимся к содержанию категории «реальность» и «действительность».

Вспомните, сколько, соревнуясь друг с другом в изобретательстве негативных предикатов субъекта «социализм» их было введено: «казарменный», «тоталитарный», «командно-административный», «лагерный» (у глупоты пределов нету)...

А он всего-то и был: реальный. Не действительный, но реальный. И мера всех его патологий, аномалий, деформаций и т.д. равнялась мере рассогласованности между им как реальным и действительным. В свою очередь, эта рассогласованность была равна недобору, невостребованности, а зачастую – и намеренного убийства творчества.

Разумеется, непосредственного перехода от социальной реальности к действительности (в нашем случае – постгосударственности) в практиках культурного бытия (одномоментного, прямого) нет и быть не может. На наш взгляд, существует известной длительности «серая зона» трансформации социальной реальности в действительность.

Два акцентированных этапа в ее характеристиках предлагаем называть: «реальная действительность» (начало нарастания элементов действительности) и «действительная реальность» (доминирование элементов действительности при сохранении элементов социальной реальности).

Постгосударственность же – это такая форма организации социума, способом бытия которой является общественное самоуправление, сущее в форме практической всеобщности, корневой системой которого является местное самоуправление. Это форма вовлечения в организацию общежития социума всех его самостоятельных членов. Всех. Где каждый осуществляет эти организационные (управленческие, властные) функции сквозь призму собственной самости; через свое творчество, через свою профессию, через род своего занятия.

Следует отметить особо, что речь идет именно об истинном самоуправлении, а не о формальном членстве в «органах самоуправления», о действительном самоуправлении без «органов». Без «аппарата». Не говоря уж: «компетентных» (спрашивается: а зачем «некомпетентные»?!). Скорее следует говорить о действительном «теле» самоуправления. (Излишне акцентировать на том, что «действительность – это совпадение сущности и существования» [Г.В.Ф. Гегель] Что это состояние, когда «разум существует в разумной форме» [К. Маркс], а последнее – сущее в форме практической всеобщности. Что «способом бытия и такого человека, и таких людей, и такого общества является творчество как наи-

более развитая форма развития» [Б.В. Новиков]).

Действительным «телом» самоуправления в этом смысле является общность людей, независимо от количества членов этой общности. Собственно, уже не общность и даже не общественность, но: обобщественность, то есть общность с предельно высоким уровнем обобществления. Соответственно, единичной, персонафицированной формой обобщественности является субъектность. Но, независимо от территориальной принадлежности общности (субъектности). Единственным критерием, который обуславливает размеры «тела» есть проблема, которая возникает перед ним. «Тело» ограничено лишь рамками той проблемы, задачи, вопроса, которые возникают перед определенной совокупностью людей и требуют своего решения.

«Постгосударственность» является своим-иным-себя «протогосударственности», – как полюса единого диалектического противоречия, опосредованные «государственностью», – но на качественно новом уровне. Где в снятом виде – весь путь, весь опыт, вся «родословная», весь массив культуры, нарабатанный на путях развития социума в форме «государственности». Разумеется с акцентом на «в снятом виде». Субъект управления и сообщество, – субъектность и обобщественность, – совпадают и там, и там, но, если в случае «протогосударственности» это совпадение ограничено рамками рода/племени, кровно-родственной связи, является тождеством абстрактным: синкретичным и неразвитым, эмбрионально-зачаточным, то в случае последнем – это открытая навстречу безграничному созиданию – разумному саморазвитию, – система, где сходятся во взаимодействии безграничная, беспредельная диалектика объективная с таковой – субъектной. Это – тело культуры в своем перманентном развитии: прогрессивном развитии в русле становления практической всеобщности действительного гуманизма.

«Протогосударственная» форма единства предстает как простая, нерасчлененно-органическая, сумма отдельных «тел». То, что К. Маркс называл «социал-органическая общность». Для «постгосударственности» такие ограничения не являются имманентными, они отсутствуют. Отметим, что у К. Маркса типу «государственности» соответствует «социал-

атомистическая общность», а «постгосударственности» (правда, уже во вполне корректной и даже изысканной интерпретации выдающегося советского философа Г.С. Батищева) – «социал-гармоническая общность». В этом смысле способом бытия всеобщего «тела» (общества в целом) в постгосударственной его форме является не сумма «органов» (структурных элементов, без которых целое, «тело» (в смысле: культурного «тела», «тела» культуры) не является полноценным, а напротив – диалектическое единство всех «тел», их ансамбль, их концерт, их симфония, универсальность уникального, их перманентная синергия. Это, говоря словами Г.С. Батищева: «республика субъектов». Мы бы развили эту мысль: субъектная республика и республика субъектностей.

В рамках означенной выше проблематики, думаем, уместно понятийное уточнение модусов общности. Общественная форма бытия единичности – общность. Общественная форма бытия общего – общественность. Общественная форма бытия всеобщности – обобщественность. В этом смысле «протогосударственности» является суммой родовых общностей («демографических социально-исторических организмов» [Семенов Ю.И.]). «Государственность» – суммой обществ («географических социально-исторических организмов» [Семенов Ю.И.]). «Постгосударственность» – обобщественным единством (всемирно-действительно-историческим организмом) [Г. Н.].

Резюмируем. В нашем исследовании, – которое лапидарно представляет данная статья, – осуществлена последовательная реконструкция ставших, прошедших; характеристика сущих форм и прогнозная конструкция становящихся, будущих, – тех что рождаются уже сейчас, – форм феномена организации общежития в социуме через ритмику: «протогосударственность – государственность – постгосударственность». Основным предметом научных интенций и рефлексий здесь и теперь, в хронотопе современности, является феномен «постгосударственности», постигаемый как через призму чисто теоретических конструкций и построений, так и через описание, объяснение и оценку попыток их практического воплощения в человеческой истории (феномен «Советов», «Джамахирия», «общественное самоуправление», «анархия»).

Стаття надійшла до редакції 28.05.2011 р.